

ШЁПОТ ОПУШКИ

❧ КНИГА ПЕРВАЯ ❧

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ананьина Ю.

18+

Юлия Ананьина

Шепот опушки

<https://litres.ru/74250862>

SelfPub; 2026

Аннотация

Конец XVI века. В глухой деревушке Ольховка, затерянной среди непроходимых лесов, шепчутся о «ведьме». На самой окраине, в покосившейся землянке, живут две сестры-сироты: девятнадцатилетняя Агата и десятилетняя Катя.

Агату боятся и ненавидят. Её дар — не благословение, а проклятие. Она видит черную пелену хаотичности над кузнецом и серый саван горя над вдовой. Там, где другие видят человека, она видит лишь хрупкий сосуд времени. Но самое страшное её умение — исцелять. Забирая чужую хворь, она отдает частицу собственной жизни, оставляя на своем молодом лице печать ранней седины и смертельной усталости.

Её тихое существование рушится, когда беда приходит в дом зажиточного боярина из соседнего села. Девочка при смерти, а лучшие лекари только разводят руками. Чтобы спасти дитя, Агате придется спуститься во тьму чужой болезни глубже, чем когда-либо прежде. Успешное исцеление становится приговором: теперь слухи превращаются в факелы инквизиции. Ей больше не спрятаться за тенью деревьев.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Юлия Ананьина

Шепот опушки

Глава

Глава 1. Изгнанницы

Дом Агаты стоял на самом краю света — там, где заканчивалась последняя кривая изба старосты и начинался вековой бор. Это была даже не изба, а полуземлянка, присыпанная рыжей хвоей и укрытая мхом. Крыша её почти сливалась с лесным холмом.

Агате было девятнадцать, но седая прядь у левого виска делала её старше. Её лицо, обветренное и серьёзное, редко озарялось улыбкой. Вся тяжесть мира лежала на её плечах, потому что кроме неё о десятилетней Кате никому было позаботиться. Их родители умерли три года назад от лихоманки, которую сама Агата тогда сумела остановить, отдав болезни часть своей силы. Деревня запомнила это чудо со страхом, а не с благодарностью.

— Глаш, а правда, что ты ведьма? — спросила Катя вечером, помешивая деревянной ложкой похлёбку из репы.

Агата вздрогнула. Она учила сестру называть её полным именем, но для языка девочки оно всё равно превращалось то в Глашу, то в Агу.

— Нет, дурёха, — устало ответила она, штопая старый платок при свете лучины. — Ведьмы злые. Они людям вредят. А я... я просто умею слышать.

— Слышать кого?

— Лес. Травы. Людей. Болезнь внутри них говорит громче, чем они сами.

Дар пришёл к ней вместе с первой кровью. Сначала это были вещие сны: то соседская корова отелится двумя телятами, то пожар случится на дальнем хуторе. Потом она начала видеть пелену вокруг людей. У кузнеца Егора она была сизой, тяжёлой — чахотка уже точила его изнутри. У вдовы Прасковьи — чёрной, липкой, пахнущей могильной землёй; так выглядело горе, пожирающее душу.

А потом руки начали жечь. Когда она прикладывала их к больному месту, боль перетекала в её ладони, сворачивалась огнём под кожей, а потом уходила в землю.

Деревня сторонилась их. Торговки на площади отворачивались, если Агата подходила купить соли. Мужики замолкали при её появлении. Дети швыряли в Катю сухие коровьи лепёшки и кричали вслед: «Ведмино отродье!».

Но нужда сильнее страха. Ночью, крадучись как тени, люди приходили к их порогу.

Нынче ночью стук был тихим, но настойчивым. Три удара. Так стучал только мельник Силантий.

Агата открыла дверь, не выказывая удивления. За спиной маячила огромная фигура мельника.

— Спасай, Агаша, — прохрипел он, протягивая свёрток. Внутри пищал младенец, красный, горячий, заходящийся в кашле. — Третий за год горит. Знахарка городская травы дала, да не помогают.

Агата приняла ребёнка. Младенец дрожал, словно пойманный зверёк. Девушка села на лавку, положила тельце на колени и закрыла глаза.

Мир померк. Остался только жар, бушующий внутри маленького тела. Он был похож на лесной пожар — жадный, слепой. Агата выдохнула, сложила ладони лодочкой над грудью младенца и потянула огонь на себя.

Это всегда стоило ей дорого. По спине градом покатился пот, перед глазами поплыли красные круги. Огонь лизнул её лёгкие, перехватил дыхание. Но синеватая пелена смерти, окутывавшая дитя, дрогнула и истончилась.

Через час ребёнок дышал ровно. Агата, бледная как полотно, едва нашла силы уложить его в корзину.

Силантий положил на стол каравай хлеба, кусок сала и серебряную монету — целое состояние.

— Не надо серебра, — прошептала Агата пересохшими губами. — Хлеб оставь. И никому ни слова.

Мельник лишь кивнул, перекрестился на тёмный угол и исчез в ночи.

Глава 2. Княжья воля

Осень пришла рано, укусив леса первыми заморозками. Река Ледянка подёрнулась хрупким стеклом. В этот день в

Ольховку въехал отряд всадников.

Их возглавлял молодой князь Василий — сын владельца этих земель, человека жестокого и скорого на расправу. Сам Василий казался полной противоположностью отцу: тонкие черты лица, задумчивые серые глаза, одетый не в кольчугу, а в дорогой суконный кафтан.

Причина приезда была страшной. Единственная дочь князя, пятилетняя Любочка, таяла на глазах. Лучшие лекари из Москвы разводили руками. Говорили про «сухую немочь», говорили про проклятие.

Староста, трясаясь от ужаса, указал плетью в сторону опушки.

Князь вошёл в их жилище один. Десятники остались снаружи. Катя спряталась за печь, свернувшись клубком.

Василий остановился на пороге, разглядывая низкий потолок, пучки сушёных трав под ним, скудную утварь. Его взгляд упал на Агату.

Она стояла посреди комнаты, прямая, босая, сжимая в руках нож для резки коры. Она не поклонилась.

— Ты ли та девка, что мертвяков поднимает? — голос князя был тих, но сталь в нём резала без ножа.

— Я живых спасаю, княже, — ровно ответила Агата. — Мёртвым помогать поздно.

— Моя дочь умирает. Если ты ведьма — сгинь с глаз моих навеки. Если можешь помочь — едешь со мной. Отказа я не приму.

Агата посмотрела на Катю. Как оставить её одну? Осень. Волки придут к самому дому.

— Сестра поедет со мной, — сказала она.

Князь мгновение колебался, глядя на испуганную девочку, затем коротко бросил:

— Ей найдут место в повозке.

Глава 3. Белокаменная

Боярский терем давил. Запах воска, ладана и чужого горя смешивался здесь с ароматом дорогих благовоний. Маленькая княжна лежала в расписанной райскими птицами светлице. Она походила на восковую куклу: кожа прозрачная, губы синие.

Агата опустилась на край кровати. Она взяла холодную ручку девочки.

И вскрикнула.

Это была не болезнь. Внутри ребёнка, обвивая сердце тонкими ледяными нитями, сидело нечто чужое. Проклятие. Очень старое, очень искусное. Кто-то вложил в подарок — в красивую фарфоровую куклу с нарисованным лицом — частицу тьмы. Кукла стояла тут же, на сундуке, улыбаясь нарисованной улыбкой.

Обычный лекарь дал бы отвар полыни. Обычная знахарка читала бы молитвы. Но Агата знала: это нужно выжигать.

Три дня она не выходила из светлицы. Катя приносила ей воду и хлеб.

Агата боролась. Она погружала свои пальцы — теперь они

светились слабым золотистым светом — в ауру сестры князя. Она вытягивала холод, впитывала яд чужой воли. Боль была адской. Каждый раз, отрывая нити проклятия от сердца девочки, Агата чувствовала, как рвутся сосуды в её собственной голове.

На третью ночь куколка на сундуке треснула пополам, осыпавшись белой пылью. В тот же миг щёки Любаши порозовели. Она глубоко вздохнула и открыла ясные голубые глаза.

Агата упала на пол без сознания.

Глава 4. Цена дара

Она очнулась от запаха антоновских яблок. Открыв глаза, увидела дощатый потолок, но не свой, закопчённый, а гладкий, белёный. Она повернула голову. Рядом, в кресле красного дерева, спал князь Василий. Его рука безвольно свисала, касаясь пола.

Агата попыталась сесть, но тело отказывалось слушаться. Дар выпил её до дна. Сейчас она не смогла бы исцелить даже царапину.

Дверь скрипнула. На пороге стояла женщина невероятной красоты, одетая по последней польской моде. Чёрные волосы уложены в сложную причёску, брови насурьмлены.

— Очнулась, серая мышь? — мелодично произнесла вошедшая. Это была Елена, молодая жена старого отца Василия. — Мой муж вторую неделю ночует здесь, возле твоей постели. Смешно. Великий воин пал к ногам грязной пас-

тушки.

Елена подошла ближе. От неё пахло розовым маслом и ревностью.

— Ты думаешь, он женится на тебе? Спасительнице nasledницы? Дура. Такие, как ты, созданы для того, чтобы быть забавой. Игрушкой. Пока твой дар нужен — тебя будут держать в тепле. Станешь бесполезной — вышвырнут на мороз, к твоим лягушкам.

— Я ничего не прошу, — тихо сказала Агата.

— Ещё бы ты просила, — усмехнулась Елена. — Но знай своё место. Или я помогу тебе его вспомнить. В подвалах моего батюшки есть отличные инструменты для разговоров с ведьмами.

Страх впервые за долгое время коснулся сердца Агаты. Холодный, животный ужас. Здесь, в каменных стенах, она была беспомощнее котёнка.

Глава 5. Выбор

Вечером состоялся пир в честь выздоровления княжны. Агату тоже позвали. Впервые она сидела за господским столом. Её отмыли, переодели в шёлковое платье цвета осеннего неба. Седую прядь скрыли жемчужные нити венца.

Все смотрели на неё. Кто-то с восхищением, кто-то с подозрением. Елена метала молнии из-под длинных ресниц.

Когда внесли лебедя, запечённого целиком, поднялся князь Василий. Он поднял кубок с мальвазией.

— Хочу выпить за ту, что вернула мне свет, — его голос

звенел. — Агата. Проси чего хочешь. Земли? Золото? Вольную для всей вашей деревни?

Сердце Агаты пропустило удар. Она встала. Шёлк зашуршал непривычно громко. Она смотрела прямо в серые, честные глаза князя. Он действительно был добр. Он действительно хотел наградить её.

Но рядом, вцепившись пальцами в скамью, сидела Катя. И Агата видела будущее.

Если она останется... Елена отравит ей жизнь. Медленно, сладко, ядовито. Слухи расползутся. Придёт священник с вопросом о связи с дьяволом. Каменные стены боярского дома станут её золотой клеткой, а потом — могилой.

Если она уйдёт сейчас...

— Мне ничего не нужно, княже, — голос её прозвучал твёрдо. — Кроме одной вещи.

Она подошла к князю, сняла с шеи простой берестяной оберег, который носила с детства, и повесила его на шею Василию.

— Возьми. Он отведёт железо и стрелу. Тебе нужнее.

Затем она развернулась, подошла к Кате, взяла её за руку и пошла к выходу.

— Стой! — крикнул Василий. — Куда ты пойдёшь? Ты никто без меня!

Агата остановилась на пороге, не оборачиваясь.

— Я Агата. Та, что живёт на опушке. Этого достаточно.

Они вышли в сырую ноябрьскую ночь. Под ногами хру-

стел первый лёд на лужах. Впереди темнел спасительный массив леса.

Катя прижалась к сестре.

— Нам опять придётся голодать, Глаш?

— Зато мы свободны, — ответила Агата, вдыхая запах прелой листвы и дыма. — Пойдём домой, Катюша. Нас ждёт невыпитый чай из мяты.

Скрипнули ворота терема позади. Лес принял их в свои объятия, укрыл темнотой, которая была для Агаты уютнее любой бархатной спальни. Где-то далеко ухнула сова, предвещающая долгую зиму. Первую зиму их настоящей свободы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.